





СЕРГЕЙ СОКОЛКИН
Я ЖДУ ВАС ПОТОМ

КНИГА СТИХОВ

МОСКВА

2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

Оформление серии Валерий Земских

Сергей Соколкин. Я жду вас потом. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы, 2009. — 128 с.

© С. Соколкин, 2009

© К. Анкудинов, предисловие, 2009

© Русский Гулливер, 2009

© Центр современной литературы, 2009

ISBN 978-5-91627-025-9

«Русский Гулливер» продолжает обращение к архетипам отечественного сознания и поэтическим практикам, их отражающим. Сергей Соколкин продолжает традицию русской поэзии, начатую Сергеем Есениным, Павлом Васильевым и подхваченную Юрием Кузнецовым, Николаем Тряпкиным, Николаем Рубцовым, сознательно отказавшуюся от претензий на место в мировой культуре в пользу культуры национальной. Жертвенность их самоограничения была благодарно воспринята российским читателем, превратилась в самостоятельную поэтическую школу, которую нельзя обойти вниманием, рассматривая современные тенденции в словесности.

Темы любви к Родине, патриотизма, уникального пути нашей страны и специфики национального духа вновь стали актуальны в обществе и, так или иначе, находят свое воплощение в творчестве каждого пишущего человека. Соколкин работает со сказочным русским «советским мифом», взяв его в неизменном виде из своей юности — присягнув ему однажды, он с благородным упорством остается верным ему до конца. Похвальное качество на фоне мельтешающей моды, безосновательного возвеличивания или, наоборот, низвержения прежних ценностей. По словам критика Кирилла Анкудинова, главным лирическим героем поэта стал великан Святогор, персонаж русского фольклора. Русский Гулливер попытался познакомиться со своим былинным собратом.

об авторе

Сергей Соколкин — член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор четырех книг стихов. Стихи печатались в 50 газетах, журналах и альманахах («Урал», «День», «Литературная газета», «Завтра», «Литературная Россия», «День литературы», «Комсомольская правда», «Наши Современник», «Смена» и др.). Первый лауреат Международной литературной премии им. Андрея Платонова «Умное сердце» (1994), дипломант премии ФСБ России (2007).

Песни на его слова включены в репертуар более чем пятидесяти отечественных исполнителей.

СТОН СВЯТОГОРА

Поэты часто отождествляют себя с тем или иным зверем, литературным персонажем, мифологическим героем. Поэт Сергей Соколкин раз за разом сравнивает себя с самым странным, самым таинственным насельником древнерусских былин — с богатырём Святогором.

Продираясь сквозь чёрные боры,
тьму народов и тысячу лет,
я себя ощутил Святогором.
Святогор — мой отец и мой дед.
(«Продираясь сквозь чёрные боры...»).

Восточнославянская языческая мифология — в отличие от кельтской или древнегерманской мифологии — сохранилась лишь малыми обрывками. Былины о Святогоре — чудом уцелевшие обломки пра-древних славянских мифов «титанического» периода; Святогор — бесспорный родственник античных титанов. Его происхождение темно. В.В. Иванов и В.Н. Топоров полагают, что Святогор-веретенник — прижившееся на славянской почве иранское божество Веретрагна, одна из инкарнаций которого — сокол.

А что, всё сходится: Святогор—сокол—Соколкин... Сергей Соколкин — далеко не первый Святогор в русской поэзии.

Не ищу я путь об одном конце,
А ищу я шар об одном кольце.
Я в него упрусь изо всей ноги,
За кольцо схвачусь изо всей руки.

Мать-Вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном.
(Юрий Кузнецов. «Ты не стой, гора, на моём пути...»).

Но Юрий Кузнецов — Святогор торжествующий, похваляющийся. А Соколкин — Святогор поверженный.

Говорит Святогор да Илье Муромцу:

«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,

Ты покрой-ка крышечку дубовую,

Полежу в гробу я, полюбуюся».

Как закрыл Илья крышечку дубовую,

Говорит Святогор таковы слова:

«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!

Мне в гробу лежать да тяжёлёшенько,

Мне дышать-то нечем, да тошнёшенько,

Ты открой-ка крышечку дубовую,

Ты подай-ка мне да свежа воздуху».

Как крышечка не поднимается,

Даже щёлочка не открывается.

(«Святогор». Былина Пудожского края).

8

Что это за гроб, в котором нашёл себе кончину силач Святогор — роковой дар новых, молодых, «культурных» богов, аполлонов и афин, покончивших с титанами? Или Христианство? Неизвестно. Былины о Святогоре — самые страшные древнерусские былины. Позже будет не так страшно: на каждого Змея или Тугарина найдётся Илья Муромец, и всё закончится счастливо. Сюжет о Святогоре — свидетельство какой-то довременной, докультурной, совершенно безысходной трагедии из чёрного запредельного бытия, о котором ныне и не вспомнит никто.

* * *

Сергей Соколкин — поэт есенинского типа: безоглядный, эмоционально щедрый, мощно чувствующий, размахисто мыслящий. И очень русский. Но в его поэзии нет ни весенней умильности раннего Есенина, ни августовской умудрённой гармоничности

Есенина позднего. Даже «средний Есенин» — имажинистский, надрывный, Есенин «Иноши» и «Сорокоуста», Есенин растравы и пьяного угара — куда более светел и гармоничен, нежели Соколкин.

Иногда в стихах Соколкина на миг появляется «есенинская Русь»: берёзки, церковные купола, — и сразу же искажается и исчезает, словно обманная голограмма.

Как вороны кружат над падалью
облетая границы адища,
а с церковок кресты попадали,
да как звёзды и все на кладбище...

(«И когда петух заскочив на кол...»).

В этих стихах всяческих ужасов поболее, чем в приличном триллере. Достаточно перелистать книгу Соколкина, чтобы набрать коллекцию. «А по Руси шакалов диких свора». «Сжигают руки дьяволы и бесы». «Обняв холодный труп, сидит солдат». «Мертвецы поползут из гробов». «И деревья, вытягиваясь к Богу, корнями землю, как собаки, рвут». «И лишь деревья по земле незрячей, как высохшие ящеры, ползут». «А тело серебрится вечным трупом и в колокол судьбы ногами бьёт». «Запинаясь о собственный труп, я иду на Царьград». «И плотию своей — остуженной и синей — я земляных червей досыта накормлю».

Прямо-таки данс-макабр.

Кстати, ужасы Соколкина — не ужасы Юрия Кузнецова: математичные, симметричные, выверенные. И даже благостно-идиллическая картинка у Соколкина взрывается бесовщиной...

...там батюшкина пустынька к ночлегу
встречает чаепитием гостей.

Там и без слов открыто сердце Богу.
И ветер слёг во вдумчивой ночи.

С молитвой тихою сливается дорога.
И бес в окно стучит...

(«На кладбище...»).

Как же без беса?...

Кстати, как-то неубедительна вся эта благодать. «Ветер слёг...». Как больной, что ли? «С молитвой тихою сливается дорога». Слово бы язык у автора во рту разбухает, с трудом ворочается, не даёт высказаться. При том, что Соколкин бывает потрясающе точен, описывая вселенские битвы и ураганы. Нет, не для карамзинско-жуковских элегий и идиллий Соколкин сотворён. Темперамент не тот. Соколкин — поэт-воин. И даже ангелы в его стихах сражаются плечом к плечу с русскими десантниками.

И душа за душой отлетает, —

вместо —

ангел становится в строй.

(«Шестая рота»).

10

Вообще-то, христианских реалий, знаков, образов, мет в стихах Соколкина очень много. Но под каким странным углом, в каком диком изломе они подаются...

Гряди ж, Иисусе Господи, скорее...

Утробу выжги матери-земли.

(«Гряди ж, Иисусе Господи, скорее...»).

И далее...

...рождаясь, рвём скорее пуповину,
заражены — свободой от Тебя.

Христос, выжигающий утробу матери-земли и заражающий свободой? Я — по аналогии — вспомнил диковинную поэму Юрия Кузнецова «Путь Христа», в которой Мария Магдалина объявила Христа виновником всех её злоключений (Христос отверг плотскую любовь Марии Магдалины, и она «с горя пошла по рукам»).

А вот ещё... молитва, нет, скорее, ропот русско-го Иова...

Ты, как мечем, крестом своим Христовым
любя мне душу с телом раздвоил.

Пустив по ветру обе половины.
(«О Господи, не искушай мя словом...»).

*И как изжить, избыть этот роковой раскол?
Может быть, через обожествление Народа, Рода?
След Сущего в земных трёх ипостасях
Я и Народ мой, и Святая Русь.*

Ну что же, может быть, это — вариант. И к нему следует отнестись со всей серьёзностью...

Но казаха, тунгуса и вечно скитальца-еврея
к океанам-морям, словно твой Моисей вывожу.
Потому что я русский, я знаю безбожные годы:
как простой мужичок, что коряв, хитроват и бескрыл,
глядя Богу в глаза, создавая Империи своды,
по колено в кровище величие духа творил.
И свои семена сею я уже в наших потёмках.
По ночам умирая, с утра возвожу русский Храм.
И по крови моей, заливающей землю потомков,
корабли уплывают к неведомым материкам.

(«Потому что я русский...»).

Но через несколько страниц после этой надрывно-лукавой географической фанфаронады — читаю...

...пока сквозь пепл возрастал славяно-русский хам,
сживая на корню норманнского урода.

(«Господь с тобой, моё языческое «я»...»).

Вот так, значит. Взял своего боженьку — да за ноженьку: Отчего? Да оттого что...

Взрослея памятью, пойми,
что вне Голгофы

свобода совести простительна юнцам,
но не тебе, душа...

12 *Не то психея поэта трагически мечется между славянским родовым капищем и моленной. Не то Святогор хрипло и кроваво проламывается из гроба. Но куда? Реальность закатана в сто слоёв: язычество прорастает в Христианство, сверху на него ложится классическая европейская культура со всеми её соблазнами, затем на это накладывается советское бытие, а потом — как довершение — бытие постсоветское, рыночно-демократическое. Где правда? Правду не видать. Вместо неё — безостановочное движение. Деревья пожирают корнями землю, с церквей валятся кресты, из бездны кричит не зачатый плод, бегут крысы, летят над землёй чёрные всадники, вспыхивают и гаснут степные рати — то половецкие, то монгольские, то хазарские. Проходят века и тысячелетия, но широкое поле русской судьбы — неизменно и неизменчиво.*

И тогда приходит Она. Женщина.

* * *

*Любовь для Соколкина — это весенний дурман, сладостно-мутный морок, наваждение, меряченье...
...где бросаются чувства на шею,
словно волны,
почти без труда.
(«Море что-то бормочет влоблённо...»).*

И с Женщиной — ничего не понять. Героиня лирики Соколкина — не кузнецовская «змея», вечная соперница мужчины (поэта, добра-молодца), его мучительница — и одновременно — его жертва. Но какая она, эта героиня?

Ты злая, ты холодная, ты снежная.
Ты маленькая, добрая и нежная.
Всё врёт метель! Ты добрая. Ты злая.
Ты равнодушная.
А, впрочем, я не знаю.
(«Зимние метаморфозы»).

Как же любить такую? Непонятно. И, вообще, что есть любовь?

И то, что в себе мы зовём любовью,
Мы жестокостью в других зовём.
(«Сегодня я понял, что тебя я люблю...»).

Может, лучше отбросить это неясное, туманное, обольстительное, самовыворачивающееся понятие «любовь», отдавшись надёжному мужскому плотскому влечению?

Любовь пытаться — жестоко,
лучше тело
отдать на растерзание палачу.
Ты слишком глубоко во мне засела.
Но я мужик
и я тебя хочу.

Честнее так...
А жалости мне мало
к тем нам, что до сегодня не дошли.
Хочу, чтоб ты — сейчас — моею стала.
Но лишь ценой всех призраков любви!
(«Всё ещё любимой»).

Но тогда любовь явится сама — притом в ту минуту, когда она абсолютно недоступна. Например, к узнику в тюрьму...

Сделаю отступление: да, было дело. В 1995-м году Сергей Соколкин месяц отсидел в Бутырке — «за

хранение и ношение оружия» (на самом деле он вёл журналистское расследование о поступлении оружия в Москву — и, судя по всему, перешёл дорогу оружейной мафии).

О чём грезит узник в заточении? О любви. О той самой любви, в которой он сомневался, пребывая на воле...

Протяни мне —
в прощаньи застывшие — руки.
Я вернусь! Я тебя никому не отдам!

Я ворвусь к тебе ночью,
как воин ликуя,
упаду пред тобою в священном бреде.
И губами, забывшими вкус поцелуя,
как к колодцу, к любимым устам припаду.
(«Дорогая, как там ты за мукой-разлукой...»).

14

И снова этот вектор — напролом, сквозь стены и решётки, сквозь железо и камень. За словом Сергея Соколкина я вижу жест — нет, я вижу удары окровавленных и истерзанных дланей Святогора — о проклятую дубовую крышку. Я слышу хриплый стон Святогора.

Сейчас сочиняется чересчур много бестрепетно-профессиональных, хладно-неуязвимых стихотворений. Поэзию Сергея Соколкина я никак не могу назвать «неуязвимой»; каждая строка Соколкина оставливает, обращает на себя внимание, ранит, саднит, обескураживает, раздражает или влюбляет. Поэзия Сергея Соколкина — не бестрепетна. Она — живая. Подлинная. Настоящая.

Кирилл Анкудинов

ожидание первое

ВНЕ РУССКИХ СЛОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

МАСЛЕНИЦА

Кто на Руси не любит шумной казни,
веселой разудалой русской казни —
с блинами и икрой кроваво-красной
и водкой серебристо-ледяной?!

Гуляй, честной народ, сегодня праздник,
гуляй, братва, и пей за сырный праздник.
Царь-батюшка не любит трезво-праздных,
царь-батюшка сегодня сам такой...

Попеть бы, погулять бы, побухать бы
и с каждой спелой бабой справить свадьбу.
Под утро свадьбу, ночью снова свадьбу.
Че рот раззявил, наливавай полней!

Кто кровь не любит погонять по венам,
севрюжину и с хреном и без хрена,
язык русалки к яйцам или к хрену!
Ух, расплодилось по весне блядей...

Как весело, легко снежинки кружат,
румяных мягких баб головки кружат.
Из сочных девок груди прут наружу
и набухают солнцем и весной.

И парни, затянув себя потуже,
друг дружку лупят искренне по рожам,
по красным мокрым и счастливым рожам.
Ведь праздник, праздник к нам пришел домой!

Дудят рожки и громыхают трубы,
и чарочки братаются друг с другом.
Лихой купец целует девок в губы
и самым сочным дарит соболя.

И казнокрад монаху дует в уши
и нищим пятаки бросает в лужи.
Ведь завтра он уже царю не нужен,
башка его не стоит и рубля...

И вот везут по кочкам и ухабам
большую разухабистую бабу,
соломенную фифу, дуру-бабу.
Не баба — смерть уселась на санях.

Ее когтит медведь, она и рада.
Цепной шатун-медведь. И нет с ним сладу.
Он мясо жрет, пьет водку с шоколадом.
И пиво пенно плещется в бадьях.

Вокруг идет-гудет война-работа,
храп лошадей и псовая охота.
И мне охота, и тебе охота, —
так получай метлою в левый глаз.

Ну, потерпи, соколик, белый голубь...
Ты победил, — тебя за шкварник — в прорубь,
глотни с ведра. И голой жопой — в прорубь.
И еще раз. И двести сорок раз...

А праздник разгулялся, шумный праздник,
полнеба подпалил уже проказник.
Он, как жених, красив — палач-проказник, —
лишь спичкой чиркнул. И — за воротник.

Он язычком ласкает бабу красным, —
огонь, огонь, ах, как она прекрасна
в страданиях... Кто не любит шумной казни...
Кто не любил, давно уже привык...

И пьяный попик на корявых ножках
пьет из горла. И с ним какой-то — в рожках,
пушистенский — в совсем нестрашных рожках.
Дает-сует хрустящие рубли.

Едят блины и взрослые и дети,
едят блины и «до» и «после» смерти.
У русских — первый блин идет за третьим.
И за четвертым — тоже первый блин.

* * *

Зачищены три олигарха.
Но это сверху, —
Богом данное...
Большой Иван кутит без страха
с опричниною окаянною.

Отрезанными головами
по-над страной собаки лаются.
И птицы с черными крылами
с восьми концов сюда слетаются.

Но не берут меня в Малоты.
Теперь Малюта — имя бранное.
Как будто — малая валюта,
но, впрочем,
тоже Богом данная.

Теперь словарь собачий в моде...
Скинхед —
какое имя странное.
И я скинхеду дал по морде —
за то, что слово —
иностранный.

* * *

Страну украли.
И потерял след.
До послезавтра доживем едва ли.
Гуляет доллар, как хмельной сосед.
При Сталине бы расстреляли.

Куда мы мчимся,
позабыв азы,
(все нам — «хип-хоп»,
и все нам — «трали-вали»),
забыв, что мы народ, забыв язык!
При Сталине бы расстреляли.

Кричу я: — Люди, мы ж не хуже всех!..
Но тишина. И я опять в печали.
В печали я!
Уныние — есть грех.
При Сталине бы расстреляли...

* * *

Я не сторож брату своему.
И не брат я сторожу тому,
кто стрелял на соловьиный шорох,
кругом первым сделав Колыму.

Я не сторож брату твоему,
что поверил в гордую войну.
И стрелял на Север, Юг и Запад,
доверяя Богу одному.

Просто брат я брату своему,
просто честь не подчинить уму,
просто он тогда меня не выдал...
И теперь мне трудно одному.

Я не сторож брату своему,
приглашаю всех на Колыму...

Я в Москве люблю ходить на небо,
а еще — в Бутырскую тюрьму...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Я не курю, — подальше от греха...
Забуть пытаюсь имя Герострата.
И Евы Браун тень в годах-веках
передо мной ни в чем не виновата.

Уже никто ни в чем не виноват.
Лишь конь в пальто горит в лучах заката.
И, журавлиный клин сминая, в ад
проходят строем по небу солдаты.

И из разрывов вековых пластов
огонь,
что, изрыгнув подошвы Рима,
спалил Союз,
становится костром,
облизываясь в сторону Берлина...

ПАРК ПОБЕДЫ

На ощупь танк — зеленый трактор с пушкой,
привет с Урала — с темною душой...
И всё. Капут! Лишь глупая кукушка
соперничать пытается с судьбой.

Глаз слепит солнце. И воюют дети.
Старик напряг последний свой кулак.
Ведь главное —
куда подует ветер,
в какую сторону развернут русский флаг.

КАРТА МИРА

Ладонь, как танк, пылит по карте старой, —
земля бугрит,
горит со всех сторон.
Ведь направление главного удара
пульсирует со сталинских времен.

Я слышу голоса: и днем и ночью
накатывают, — вал
за валом вслед.

И вещей гул
прадедовых побед
в моей крови крепчает с новой мощью.

Чем наяву страны хребет слабее,
народа меньше — чем толпы пустой,
тем круче верю в путь Её святой,
грядущей славы отзвук всё яснее.

И чем страшней,
отверженнее лица
героев и поэтов, и вождей,
тем путь светлей, —
на звездах штык-ножей
небесный воздух снова шевелится.

Издравле клином вышибают клин,
кулачным боем разминают мышцы.
Упруги стали русские границы —
звучит приказ короткий:
«На Берлин!».

РУССКИЙ ФЛАГ

Русский флаг, что русское оружие,
как улыбка Ваньки-дурака,
что с лица не сходит,
птицей кружит
вдоль по сердцу — в тучах-облаках.

...Оба войска пали над обрывом,
прокричал стервятник вдалеке,
звезд лучи скрестились над заливом,
ангелы поплыли по реке...

Умирает Ванька, но счастливый,
древко сжав в недрогнувшей руке.

* * *

Н.И. Тряпкину

Дано нам жить под строгим небом —
у верной Родины в горсти,
чтоб, умирая,
русским хлебом
по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода,
Любовь,
что Господом дана,
бросает
только в чрево рода
свободы вечной семена.

СТРАШНЫЙ СОН

Нам не дожить до Страшного Суда.
Уходит мир сквозь пальцы, как вода.

Уходит сила
в землю-мать — не зря.
Быть может, вдруг родит богатыря...

Уходит, возродится ли когда? —
Об этом знает странная звезда,

что среди ярких — тихий свет хранит.
Под ней и путь в две тыщи лет блестит.

И узок путь. И нелегка дорога.
И нечем оправдаться перед Богом.

Из дыр земли кровавая заря
течет. И не видать богатыря.

Бесменно, как хирурги-упыри,
вскрываем язвы матери-земли.

Как будто бы дождемся —
кто когда —
амнистий
после Страшного Суда.

* * *

Ночной свободы хаос безотчетный
к духоустройству прививает вкус,
весь этот мир —
от Бога и до черта —
на миг выстраивая наизусть.

Юродство.
Блажь, встающая из пепла,
в простонародье званная судьбой,
что при рожденье памяти ослепла
и по миру пошла с лесной клюкой —

за ради хлеба —
да еще немая —
мысль, жадностью наполнившая рот, —
кто всё уже на свете понимает,
тот ничего, увы, не создает...

Ему осталось только обонянье.
Но выхолощен воздух поутру,
где мысль,
лишь отягченная деяньем,
сойдет за правду на людском миру.

Но, правя ежедневную заботу,
природа проступает даже тут —
и дерева,
вытягиваясь к Богу,
корнями землю,
как собаки, рвут...

Уже сознание не боится слезу.
Встает слепого солнца торжество.
Еще Христа не принимает разум,
а дух
уже свершает путь Его...

* * *

**«...но всяким словом,
исходящим из уст Божиих»
(Второзаконие. 8:3)**

Когда познать дано мне будет участь Слова
и в Боге умереть на всех земных углах,
то мать моя и сын в предчувствии былого
уйдут в последний путь с печатью на устах.

Земля меня простит и устоят основы,
и кровь уйдёт в песок, стекая по челу.
Всё будет, как теперь:
вначале было Слово.
Но мало помнит кто —
зачем и почему.

* * *

И когда петух заскочив на кол
недоклонул беду нависшую
заломил картуз буйный колокол
с песней падая в землю нищую

И достала до неба трещина
а звонарь ни мычит ни телится
небо кровью людской окрещено
а со шпилей орлы разлетелися

Как вороны кружат над падалью
облетая границы адища
а с церквочек кресты попадали
да как звезды и все на кладбище

И тогда опять прокричал петух
и заплакал во сне юродивый
разбудил меня
и я понял вдруг
колокольный звон

моя Родина.

* * *

Когда Бог проклял землю, то ветрами
замёл дороги к истине самой
и всё живое выдернул с корнями.
И сгинул род людской.

И лишь деревья по земле незрячей
как высохшие ящеры ползут.
И, заклиная небо, корни прячут,
и новой почвы ждут.

* * *

Где мосты сожжены и деревни погублены,
и воздух тлетворный бесплоден и слеп,
где могучие руссы под корень подрублены,
там цветет наш корявый,
безрадостный хлеб.

И где катит тягуче —
с последними силами
смерть-старуха свой крест — на скрипучей оси,
окопалась земля родовыми могилами
среди глада и мора великой Руси.

* * *

Памяти погибшего священника

Обелиск на растоптанной братской могиле
всё коптит жжёным мясом в бесстрастное небо,
хоть торжественный прах, торопясь, выносили
на просевшие баржи и сплавили в небыль.
Только помнят подвалы, как кровушку нашу
сапогами месили, мочой поливали.
Как, пустивши на круг поминальную чашу,
в неё рыла свиньи себя окунали.
Как восставших из тьмы добивали ногами,
повылазили бесы под траурным сводом.
Но, златые хоругви спустив пред врагами,
Русь Святая на них не пошла крестным ходом.
Лишь в священном дыму оскорблённую тенью
чёрный ангел сверкнул и пропал в одночасье.
И гружёной баржою без благословенья
уплывает Россия на поиски счастья...

* * *

Гряди ж, Иисусе Господи, скорее...
Утробу выжги матери-земли,
покуда мы,
из рода в род зверея,
тьму душ своих на трон не возвели.

В их вязком мраке —
с мудростью совиной,
полуживую память теребя,
рождаясь,
рвем скорее пуповину,
заражены —
свободой от Тебя.

А по Руси шакалов диких свора
ширь бороздит — за костью дармовой.
Дай умереть от рук ночного вора,
в своей крови крестившись пред Тобой.

Скорей гряди,
вовек нетленны Цели
того Завета, что прошел века.
А мы и Новый не уразумели,
а уж без Третьего
жить не хотим никак.

* * *

О Господи, не искушай мя Словом,
не посвящая в замыслы свои.
Ты, как мечем, крестом своим Христовым,
любя, мне душу с телом раздвоил.

Пустив по ветру обе половины...
Но Вера, Моисея помяня,
проторенным путем — за пуповину —
сквозь годы в вечность повела меня.

И дух стонал вне опыта и школы,
когда, свистя, из будущих времен
за ним неслись предвечные монголы,
воссев верхом на гробе на моем.

В земной утробе —
в корневищах рода
пытался я привить Твой Идеал.
Со всех времен, ветров и падших Родин
я свой народ по крохам собирал...

Да будет так, — земной удел не вечен.
Иду Тобой, как старовер в огонь.
О Господи, лиши мя дара речи
иль это Слово в мыслях узаконь.

Последний договор с Тобою, Спасе,
среди людей... А там воздастся пусть.
След Сущего в земных трех ипостасях —
Я и Народ мой, и Святая Русь.

СВЯТОГОР

— Бог ты мой, что за свара клубится
в поднебесной твоей, не пойму...
Святогор выходил из светлицы
в чисто поле —
в кишащую тьму:

грозны тучи крыла распластали,
буйны ветры секут из-под ног,
и змеевы поганые стаи
наползли в перекрестья дорог.

— Или некому, братия, боле
за отеческу землошку лечь?!
Шип змеиный и посвист соловий
заглушают родимую речь.

Эх, людишки — обмякли, ослабли,
поприжались, как блохи в шерсти, —
нет, чтоб меч наострить или саблю,
им бы ноги скорей унести...

— Что я вижу, — уж не с медовухи ль?
Молнии свищут и тешится гром.
Три носатых, прозрачных старухи
тащат по полю кованный гроб.

— Что ж, приспело, наверное, время...
Размахнулся вдоль гиблых дорог,
порубил все змеиное племя,
огляделся вокруг.
Занемог.

Красно солнце приходит все реже,
сила буйная в теле гниет,
мать сырая земля уж не держит,
поотвыкла — тяжел для нее.

И во всю богатырскую удаль
меч вбил в землю.
Поклон положил...
— Эй, носатые, стойте покуда!
В гроб вошел.
Да и дверь затворил.

* * *

Продираясь сквозь черные боры,
тьму народов и тысячу лет,
я себя ощутил Святогором.
Святогор — мой отец и мой дед.

В генах Русь у меня. Под удары
сотни раз я подставляю свой лоб.
Вон мой меч. Прочь собаки-хазары.
И трещит на мне собственный гроб.

* * *

Там,
где гудит страна, предвосхищая сечу,
и не зачатый плод кричит из бездны дней,
там всем нам танцевать за голову Предтечи
и, получив её, не знать, что делать с ней.

О, бедный мой народ, разверившийся в Слове,
на горе и крови свой замесивший хлеб,
беззубым ртом опять свистаешь клич соловий
и точишь лезвиё впотьмах своих судеб.

40

Искупят сыновья отцовскую проруху.
И день придёт, когда сердца отпустит ржа.
Но не дано нам знать,
подняв на ближних руку,
как светел Божий Лик
на полотне ножа...

* * *

Глаз мертвой девушки чуть-чуть подслеповат.
В него война глядится, словно в воду.
И видит сквозь него слепой солдат
кровавый путь в Господнюю свободу.

Се попустишь пасмурных времён, —
где в гнев поднял камень брат на брата, —
в бесславной бойне не оценит он
и не опустит дула автомата.

И тени искорёженных друзей,
взывая к мщенью, встают из праха.
И ангел — в окровавленной слезе —
взмахнув крылом, сползает на рубаху

и черный штык.
А враг придёт назад,
как подлый тать...
И повернувшись к Богу,
обняв холодный труп, сидит солдат
и мертвым глазом смотрит на дорогу.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

Не сосчитать тогда на свете было лун.
Мы были варвары, нам помогал Перун.
Но солнце красное, как зарево, взошло.
Мы были варвары, но это всё прошло.

Мы были Западом, Востоком и собой
мы становились под одной звездой.
Друг другу Родиной мы помогали стать.
И плыл орёл по тени от креста.

Шли за Урал мы с правдою в сердцах
и грели Родину в ладонях, как птенца.
И в Енисее — в пламени свечи
мы остужали звонкие мечи.

Но дух стонал, а счастья всё нет,
и наша кровь порой меняла цвет.
За веком век летел, за годом год,
мы были варвары, такое не пройдёт...

...Пропал орёл. И звёзды замело.
Мы были Родиной, но это всё прошло.
Мы были Родиной,
но оборвалась связь, —
Россия кончилась,
Помпея началась.

* * *

Штатается крест на свободе...
Оплачена долгой ценой
судьба моя в русском народе,
как церковь под красной звездой.

Как водится, пропили душу...
Иконы трещат, как дрова.
Теплее не стало.
Лишь душат,
терзают Оттуда слова...

44

А впрочем, кресты и устои
не рушатся сами собой...
С жлобами тягаться не стоит,
как топать по луже ногой.

В тоске по державным просторам
сквозь купол, — наметив межу, —
из церкви, крестился в которой,
я в небо,
как в поле, гляжу.

* * *

А что я могу, только взять и убить
соседа по лестничной клетке,
да в тысячный раз с бодуна залепить
фингал похотливой соседке.

А что я могу, снова взять — наплевать
на всё, что я выучил в школе.
На грабли по четвергам наступать
и выть, словно птичка в неволе.

А что я могу, быть богатым хотеть
и всех ненавидеть богатых...
Бояться быть глупым, быть умным не сметь.
И верить, — грядущее свято.

45

А что я могу, вновь поднять старый флаг
на общесоюзном погосте.
И повести всех голодных собак
к нетленному прошлому в гости...

СУДЬБА

Граненый с размаху закинул.
Рассею в душе помянул.
И бабу к себе пододвинул,
с бутылкой и бабой уснул...

То ангелы с бесами бьются,
то просто душа на краю, —
но русские не сдаются
ни здесь, ни в аду, ни в раю.

...Проснулся без бабы,
срок минул, —
в раю — без врагов и боев.
И к Богу стакан пододвинул:
— Ты что, брат, не видишь краев?!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Михаилу Шанькову

Пустынен город мертвой славы,
где мы, обнявшись,
вчетвером
под ношей умершей Державы
корявой поступью бредем.

Слились в одно дворцы, бараки.
И гул Империи затих.
Роняет золото Исакий
на крылья ангелов своих.

И в небо уплывает пристань,
в туман уходит человек.
И маршируют декабристы,
как обувь,
стаптывая век.

Лишь Всадник вздыбился на страже
непредсказуемых времен,
где под бесстрастным солнцем
даже
неверный шаг запечатлен.

«РУССКИЙ ИКАР» И.С.ГЛАЗУНОВА

Не бывает тягостней минуты...
Падая в глухую высоту,
полный восхищения и смуты,
прикасаюсь к теплему холсту,

где художник кистию упорной,
в сотый раз познав величья миг,
затирает в небе рукотворном
проступивший выщербленный лик.

И ложатся краски оголтело.
И над миром горбится гроза.
И встают,
живущие вне тела,
очень самостийные глаза.

И тебя находят среди многих,
сея в душу первобытный страх.
Так, старея,
умирают боги,
воскресая в русских мужиках.

ПАМЯТИ ПОЭТА-ДРУГА

**Они идут, земные люди,
В страну, которой больше нет...
Борис Примеров**

Мир душе твоей, пращур Примеров,
что над мертвой Державой взошла.
Над разбитой дорогой —
без веры,
над бытѣм — без кола и двора.

И твой дух,
не взыскав земного,
вон исходит из русских полей,
где горит мое черствое слово,
обагрѣнное кровью твоей,

озаря в молчании строгом
на тебя указующий перст.
Твое тело, забытое богом,
до могилы я нес,
словно крест.

Даже в этой зияющей бездне
ты лежал — недоступно высок —
слово лишнее в тягостной песне,
падший ангел,
отбывший свой срок.

* * *

На кладбище,
где мирный дух и негарь,
и храм лесной струится среди ветвей,
там батюшкина пустынька к ночлегу
встречает чаепитием гостей.

Там и без слов открыто сердце Богу.
И ветер слёг во вдумчивой ночи.
С молитвой тихою сливается дорога...

И бес в окно стучит...

* * *

Я был убит врагами на рассвете.
И был сожжен.
И был развеян прах,
он им осел на треснувших губах.
И этот день запомнил долгий ветер.

И стал я мертвым ангелом у Бога.
Разверзлись все могилы на земле,
нащупав души в наступившей мгле.
А для живых торилась в ад дорога.

И наливалась кровью мертвых раса.
В один окоп слились погосты те.
Бог был доволен.
В вечной мерзлоте
вставала Русь.
Я ждал своего часа.

ШЕСТАЯ РОТА

Памяти русского солдата — комбата Марка Евтюхина,
геройски погибшего с 6-й ротой 104-го парашютно-десантного
полка 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии.

От возмездия банды уходят —
сквозь густой Улус-Кертский туман.
Словно черные духи природы,
с гор стекая в ночной Дагестан.

Бог не смотрит... Но здесь по приказу
десантура вгрызается в тьму.
Тьма упряма, густа, непролазна.
И расклад — двадцать семь к одному.

52

Десантуру она накрывает,
наплывает волна за волной.
И душа за душой отлетает, —
вместо — ангел становится в строй.

Бьются молча, расчетливо, страшно.
Слишком близко, — и пушки молчат.
Вот сошлись в ножевой — рукопашной
духи тьмы и последний солдат...

Бьются в небе небесные роты.
Но и там силам зла нет числа.
И Шестая — небесной пехоты —
рота в землю навечно вросла.

Божьи дети — под Богом распяты.
Торжествует злодейка-судьба...
Но с небес слышен голос комбата:
— Вызываю огонь на себя!

* * *

Приди, покусись, оторви
от нашего русского хлеба
краюху заплечного неба,
настоянного на крови.

Приди, покусись и возьми
извечное русское поле
набегом языческой воли,
руками, мечом и костями.

Приди, покусись и уйди
погостами варварских полчищ.
И пусть тебе светит в пути
над миром разверстая полночь.

НА МОГИЛЕ

На ладони высохла земля,
проросла в веках блокадным хлебом.
И в глазах, сливающихся с небом,
встали насмерть русские поля.

И покуда жить еще могу,
я к ответу мертвых призываю,
их землей сырою попрекаю —
каждой пядью,
отданной врагу.

* * *

А. А. Проханову

Потому что я русский,
 взлюбивший отчаянно землю,
где бесплодные бабы
 налившийся колос растят,
я фамильный погост
 как последний окоп свой приемлю
и, ступив на колени,
 расту на державных костях.

И смотрю в небеса.
 И с поющей душой бездорожий
принимаю всю грязь,
 что монголо-татарин месил,
и люблю я народ,
 что, не выйдя ни кожей, ни рожей,
в мировой океан
 лапоть свой против ветра пустил.

Потому что я русский,
 живущий под Божеским небом,
потому что есть мать,
 что приветит больного врага,
поделюсь я с ним грешным —
 блокадным, но выжившим хлебом.
И пусть жрет нашу землю,
 с нее отправляясь в бега.

РОССИЯ – ЕВРОПЕ

Забвенны римляне-титаны
и греки в подвигах-боях, —
башмак извечен Чингисхана —
в увечных сроках-временах...

...Во мне природа шевелится, —
по венам, —
яроsten и зол,
в крови на нервной кобылице
несется с посвистом монгол.

Прекрасен он в преддверье пира,
и дико-царственны глаза, —
живой сперматозоид мира.
Убить нельзя,
забыть нельзя!

Я, опьяненный,
кровь пускаю
себе,
почувствовав всерьез,
как я границы открываю
в неблагодарную до слез
Европу...

Пьян русак спесивый,
забыв тиранов и вождей...
Твой час, Европа, —
день в России
открытых окон и дверей.

ТЫ ДОЛЖНА

Всё свистят и сверлят пули
нас,
отрекшихся когда-то...
Мать-земля, нас обманули,
Ты должна родить солдата.

Мы за все Армагеддоны
Беловежским платим златом, —
враг на Волге,
враг у Дона...
Ты должна родить солдата.

В телящике Пандоры
все плодятся бесенята...
Не смотри безумным взором,
Ты должна родить солдата.

Бог оставил нас, —
так надо.
И в раю хмельно от мата.
Родина в аду.
Из ада
Ты должна родить солдата!

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

И палили танки по Руси.
И пожар взвивался над страной.
И летели души в небеси,
озаряя
в прошлом град святой.

И тела трещали, как дрова,
и светился пепел много дней.
И молчала пленная Москва,
ожидая участи своей.

Мертвые не вспомнят про нее
и про нас.
Они в веках лежат.
И кружит над нами воронье.
А над ними ангелы кружат.

СТАНСЫ

Жизнь нас всех воевала, к земле пригибала
и, связав, навязала чужую игру.
Мимо пуля летала,
но не доставала,
лишь нырять заставляла
в любую дыру...

Пусть не сразу мой рост доходил до оконца,
быть сильнее и выше мне было не лень, —
ведь чем ниже садилось усталое солнце,
тем длиннее была на земле моя тень.

Жажда губ ножевых колотила и била,
имена пропадали в звенящей нови.
Ведь чем больше девчонок меня погубило,
нерастроченной больше ставало любви.

Я был вечно влюблен,
уж такая порода...
Но менялась Отчизна, менялись тела.
И не так было все у страны, у народа.
И тебя я не знал,
хоть в душе ты жила.

Годы, словно бродячие псы на дорогах,
под колеса бросались, рыча и визжа...
Ну, а я от тебя,
как когда-то от многих
скрыть пытался сжигающий сердце пожар.

Я ведь жил и мужал,
и накапливал силы,
чтоб талант свой намыть в трудной русской воде.
И отдать без остатка родимой России,
и отдать без остатка любимой тебе.

Не хочу я как все —
торговать или хапать,
я хотел бы служить, понимаешь, служить.
Хватит сил ли, не знаю, —
энергии хватит
чтоб ракету-носитель на Марс запустить.

Ты устала со мной.
И разверилась вера.
Слышишь,
дочка за стенкой Мадонну поет...
И метусь я душой, переполненной ветра,
восемь разных ветров продувают ее.

* * *

Профессору Смирнову В.П.

Мы эту осень сами заказали.
И нет в ней правды, есть одни стихи,
как будто бы в пустом холодном зале
отчитываем все свои грехи.

Звонит листва монетой с того света,
шуршит толпа в три тысячи голов.
Свобода есть, а воли к жизни нету...
и речь ясна, но нету русских слов.

62

Душа шумит, ей кислорода мало,
ржавеют клены, плачут тополя.
Молчит природа, что-то в нас пропало, —
нет Родины вокруг,
одна земля...

БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТ

Валентину Сорокину

По-над Волгою молча пройдуся я...
Нет за ней ни любви, ни земли...
Как прощальная песня над Русью,
через сердце летят журавли.

Улетают куда-то к началу.
В никуда, — как любая мечта...
Холм летит,
Божью церковь качает,
вдаль уносит
погост без креста.

Дождь пошел параллельно, как ветер.
И у самой расстрельной черты
облака заплясали, как черти,
перед бездною встав на дыбы...

Уплотняются дали России,
гул идет от исчезнувших птиц.
Лишь печально завис в ветре синем
одинокий березовый лист...

Словно знает, —
деревья вернуться домой,
как слеза, как на отмель волна.
Да простит меня Бог,
что я плачу душой,
а душа, словно Волга, полна.

* * *

Когда бы нас подняли по тревоге...
В.Пуханов

Нас по тревоге не поднимут,
не попрекнут землей родной, —
ведь сраму мертвые не имут
пока их помнит род людской.

Но нас поднимут по тревоге,
когда закончат со страной...
За нами явится конвой...
На Страшный Суд
проводит строгий —
героев павших —
строй святой.

ожидание второе
У МЕНЯ НА ТЮРЬМЕ

посвящается Галине Гагариной

* * *

У меня на тюрьме вольный ветер живет,
по твоим волосам он поземку метет.
Он печали метет по крутым берегам.
И взбегает искра по точеным ногам.
И бенгалом горят мои черные дни,
осыпаясь на русские плечи твои.
И я вижу, как воздух прессует гроза.
И вскипают рассветы в заветных глазах.
И судьбу я рисую на мокром песке,
на зеленой,
к глазам подступившей тоске.

* * *

Меня стерегла лишь кручинушка-доля,
когда мне служивый надежду принес.
Запиской твоей ворвался ветер воли,
как — взаперти обезумевший — пес.

Что можно любить так,
страдать можно столько,
не ведал мой разум до этого дня.
Мысль о тебе воет бешеным волком,
как — взаперти обезумевший — я.

* * *

Вспоминанья о тебе
накатывают то и дело,
как то, куда ты так хотела, —
из детства море.
Но в судьбе

уже наметился разлом
меж нами и извечным морем.
Твоя ладонь, как старый дом,
рассечена морщиной горя.

Твоя рука в моей руке.
Моя судьба в твоей ладони.
Мы тянемся друг к другу,
стонем.
И строим замки на песке.

В ТЮРЬМЕ

А мы нарушили заветы
и не послушались людей.
Но мир, сживая нас со света,
не одолел души твоей.

Святая дьявольская сила
в ней святотатственно жила:
днём по пятам за мной ходила,
а ночью душу стерегла.

70

Твой образ сквозь прогорклый воздух
в моё вплетался естество.
И я в слепой ночи беззвёздной
лепил и приближал его.

Тебя я всю в истоме сонной
бессонною ласкал рукой —
на потной простыне казённой,
уже измятой подо мной.

Ладони утопали в теле
и с губ стекал любовный сок.
И лишь глаза в глаза глядели
и лишь сердца считали срок.

И, своего дождавшись часа,
тонули в небе ты и я.
И долго плакали от счастья
во тьме земного бытия.

* * *

Всё забыл: твои косы и платье...
Но, привычную душу губя,
за стеной, за бедой, за распятым,
наконец, обретаю тебя.

Бездна духа и вечные звезды
не смущают тюремный покой.
И прогорклый, прохарканный воздух
весь пропитан твоей чистотой.

И в стенах вековых казематов,
где Емелька главою поник,
вижу я в потном вареве мата
твой пречистый страдающий лик.

О себе уже не беспокоясь
и о воле не плача ничуть,
я судьбе своей кланяюсь в пояс,
твое имя шепчу и молчу...

* * *

На губах, овдовев, отцвели поцелуи,
как застывшие бабочки канули в прах.
И святится в слезе,
на ресницах танцуя,
твое долгое имя на звонких ногах.

Остальное лишь тлеет и в памяти тонет.
И глаза наливаются небом седым.
Лишь, за воздух хватаясь,
упрямо ладони
вспоминают родное и близкое им.

И я слышу твой голос в тюремном оконце,
сбереженный, как ржавого хлеба ломоть.
И сквозь щели в душе незнакомое солнце
наполняет печалью притихшую плоть.

И становится странно легко,
и немая
песнь о волюшке с губ отлетает, как дым.
И друг к другу мы рвемся,
судьбу принимая,
всё как есть понимаем
и в стену глядим.

* * *

Дорогая, как ты там за мукой-разлукой
в своем буйном цветеньи кукуешь года?
Протяни мне —
в прощаньи застывшие — руки.
Я вернусь! Я тебя никому не отдам!

Я ворвусь к тебе ночью,
как воин ликуя,
упаду пред тобою в священном бреду.
И губами, забывшими вкус поцелуя,
как к колодцу, к любимым устам припаду.

Буду пить твое тело до изнеможенья.
Чтоб вскипала в объятых звериная жуть.
Окна я кирпичем заложу.
И до жженья
на губах — буду пить.
А потом расскажу,

как в глухой полутьме своей чуть не ослеп я,
когда, свет твой увидев, пошел напролом...
Как однажды, накрыв мою голову пеплом,
смерть нависла,
глаза зачерпнувши крылом.

Как визгливая ревность взвивалась над шконкой,
как на лезвии бритвы игрался с судьбой,
когда старого зэка седая наколка
в тонком лучике мне показалась тобой.

Как тебя рисовал я,
и стенка сырая
проминалась,
как рвалась незримая нить,
когда пальцы я сбил,
штукатурку сдирая, —
чтоб тебя на свободу с собой унести.

Как звучала во мне, желваками играя,
затихала на миг и взрывалась вновь,
в эти гиблые камни вживаться мешая,
эта невоплощенная в сказку любовь.

Я вернусь навсегда. И душою воскресну.
Сбереженную мною затеплю весну.
И тебе — растерявшейся —
выплачу песню,
и прижмусь к тебе весь.
И, как мертвый, усну.

* * *

На тюрьме шел дождь, заливая дворик
теплой, вянущею водой.
Пахло летом, сосной, почему-то морем.
Или просто все это было тобой...

И дышалось грудью и капли висли
на носу, глазах, на усталой душе.
Память гасла. И ни единой мысли
в голове не удерживалось уже.

И сквозь клетку небо лучилось светом
и чириканьем птиц. И хотелось пить.
Никогда не думал, что в мире этом
можно так легко, беззаботно жить.

* * *

Берегиня моя, золоченое яблочко —
с наливной, расписной, разудалой косой.
Покатилась по ветке, по ёлочке-палочке,
по груди проскользила калёной стрелой.

Прикоснулась к губам, опалила дыханием,
в ретивом замерла как малиновый звон,
среди ночи взошла над моим мирозданием,
отражаясь лицом от пречистых икон.

76

Опоила гремучим вином счастья-верности,
окропила слезой, как живую водой,
в обручальном кольце
заперла, словно в крепости,
от дурных черных глаз заслоняя собой.

Повела к себе в дом по сожжённой Рязани, и
воссияла звезда вековая во лбу.
Берегиня моя, родовое сказание,
вдох заветной царевны в хрустальном гробу.

* * *

На душе соловьями отпели рассветы
и поплыли закаты в глазах-небесах.
И твои поцелуи как бабочки лета
обреченно застыли на талых губах.

В волосах терпкий запах созревшей полыни,
пьяный запах измятой девичьей мечты.
Но сентябрь замерцал, и серебряный иней
проступил сквозь родные до боли черты.

Я ведь врать не умел никогда. И не буду.
Я любил, как бросал, и бросал — не одну...
Растрянжирил полжизни — на счастье как будто...
В сердце призраки бродят, хоть вой на луну.

77

Пил, гулял, в драках часто бывал я некстати,
но не продал друзей, Русь в себе не сгубил.
И пускай мегатонны души я растратил,
для тебя еще больше в груди сохранил.

И я понял, что счастье сидеть просто рядом
и полыню дышать твоих душных волос,
задыхаясь от счастья летящего взгляда,
догоняя печаль накатившихся слез —

от того, что ты есть на планиде-планете
и не кончилось время на наших часах,
там, где как соловьи надорвались рассветы
и взорвались закаты в глазах-небесах...

ПЕГАС

жене

Всё бери за ночь любви с тобою,
но чтоб ночь — на вечные года!
Нежностью почти что роковую
я к тебе прикован навсегда.

— Несвободен я! —
и больше нету
в лексиконе у поэта слов...
За такую грешную монету
покупаю я твою любовь...

Как напьюсь отравы долгожданной
глаз твоих, мерцающих во мгле,
мой Пегас,
отлягивая ржанье,
в небеса несется — на метле.

Отлетают в стороны подковы,
вырванные молниями гроз,
и сияют в бездне —
светом новым
на копытах шляпки рыжих звезд.

Вверх летит,
как кошка выгнув спину,
весь в калач сгибается,
чтоб там,

резко
распрямившись,
как пружина,
бросить небеса к твоим ногам.

* * *

Слишком долго я тебя не видел,
слишком много водки утекло,
слишком сильно я тебя обидел.
Снежной мглой глаза заволокло.

Пусть потом бессонница кричала,
я о стены бился головой, —
слишком громко выюга бушевала
и свистели черти за спиной.

80

Треснув,
 небо зеркалом разбитым,
обвалилось в бездну бытия,
град козлиным молотил копытом —
по проходим, бедным, как и я...

Стало легче, — вышла дурья накипь,
и тоска... Теперь уж не до сна.
Выбесившись,
стихли вурдалаки.
Значит,
в сердце понесла весна.

Чувствую, так было не однажды...
Спала пена звонкой немоты.
В горле, в сердце — ком пустынной жажды.
Значит, там —
за дверью снова ты...

* * *

Любви не хочу,
Боже, дай мне покой,
а нету покоя, хотя бы — запой.

Любимое тело устал целовать,
я все ей отдал, больше нечего дать.

Хочу отключиться, молчать, не внимать,
в траву бы уйти или рыбою стать.

82

От войн, эпидемий, вестей и властей
в безумное море близких людей

забрось и толпой окати, как волной, —
боюсь тет-а-тет оставаться с собой.

Душа тяжела, — ненавидя, любя.
Один не могу,
убиваю себя.

Люблю! —
и за небо цепляюсь душой.
И в бездне тону
и тяну за собой...

ожидание третье
Я ЖДУ ВАС ПОТОМ

ОДНА

Вот и всё, что в это утро было:
на челе сквозных ветров настой,
в русский крест засыпана рябиной
волчья проседь в гриве вороной.

Всех и вся заставши в плагиате,
с каждым разом умирать устав,
поцелуй, не знавший отлагательств,
бледневет в сжатые уста.

84

Взрагивая мраморною стелой, —
где лишь взгляд до гибели живой, —
сквозь упрямо будничное тело
женщина восходит над собой.

Суть себя отдавши на закланье,
повернувшись к зеркалу спиной
сокровенную прикусывает тайну,
плодородьем родственна с землей.

Распахнув окно навстречу свету,
в необжитом воздухе пустом —
притянув —
рябиновую ветку —
отпускает...
И выходит вон.

* * *

Ты разъята природой на сотни причин
избегать меня днём, —
своих глаз опасаться, —
и светиться печалью вчерашних мужчин,
когда полночь течет сквозь тебя,
как сквозь пальцы,

поцелуем свернувшись на каждом из них,
обходя безымянный словами своими..., —
и во сне очутиться
одной — за двоих,
подыскав с удивлением
этому имя...

ПЕВИЦЕ 1

Всё это не более — чем просто душа,
когда я хочу удержаться в сознании,
исполнив тебя в полный рост,
не спеша,
часть тени украв у тебя на прощание...

Как ты в полный голос сейчас хороша!
Неси в поцелуй свое тело певучее.
Замолкла, —
как не было.
Так, впрочем, лучше, —
всё это не менее — чем просто душа.

ПЕВИЦЕ 2

От «Аве Мария», зависшей салютом,
до глаз итальянских и русских былин
судьба дала шанс мне в четыре минуты,
и мне захотелось, чтоб ты была им.

Бессмертье чужое,
каким же мне утром
со скоростью музыки в небе кружить,
когда на тебя отвели мне минуты,
а позади или ночь, или жизнь?...

Иль будущее...
Так что землю минуя,
оплачиваю ежедневный тариф.
Ведь счастья осталось четыре минуты,
а музыки в легких —
минуты на три.

Опять не ко времени я,
но уюта
вдруг так захотелось...
Подъемлю чело.
Вот кончились счастья четыре минуты.
А за душой никого,
ничего...

* * *

Влюбленный в Вас до без пятнадцати четыре,
сойду на нет,
надеждой оправдав —
сойти с ума в тебя,
и навсегда
покину время, где часы почили.

Но за собой оставлю миг измены.
С окном предзимним вырвав ржавый гвоздь,
внесу в зубах на веточке мизерной
продрогших слов рябиновую гроздь.

88

К ногам рассыплю...
Никуда не деться.
Ты наступивши,
ими след мой сбрызни.
Спасибо Вам,
я вынесен из жизни
и до поры схоронен в твоём сердце.

Пройдет бесплодь.
Никогда не кончится
рябины миг, зависший над окном.
Я беру тебя в одиночество.
Ты свободна!
Я жду Вас потом.

ИЗ СЕНТЯБРЯ

Как будто осень разыграла в лицах
тревожный сон:
дрожа и серебрясь,
в твоих глазах, как в уцелевших листьях,
скучающая прихоть сентября
качается...
Я жду...
Уже ловлю,
крича руками глупое: «Люблю!»
Как прост твой вид стал...
И глаза слезятся.
И в полу-жесте вздрогнула рука.
Лишь губы не решаются расстаться
с последней правдой,
чтоб — наверняка...
Любившая, не мучайся...
Не мучай!
Влюбленный сор вытряхивая бурно,
соленых листьев выцветшую кучу
и груз надежд — я сам, с размаху —
в урну.
И хохотать, как псих,
как полагается
всем дуракам, кто верил в чудеса.
Пусть гибнут, пусть летят, —
хоть осыпаются,
хоть просыпаются
с другим твои глаза.
Что делать — осень.
С веток, индевея,

шурша, слетает август...
Стар обряд —
спиною к лету раздеваются деревья,
рассматриваясь в лужах сентября.
И отдаются осени. И это
зовется не изменой —
бабьим летом.
А грусть тебе к лицу,
так хорошо
вплелась в прическу желтая погода...
Бывай. Желаю счастья! Я пошел.
Твои глаза больней моих
покуда...

БАНАЛЬНО О САМОМ БАНАЛЬНОМ

Я знал, что больше женщин не увижу,
когда вошел на миг в глаза твои.
И сон пришел —
глухой и неподвижный,
когда за мной захлопнулись они.

Я жил тобой,
вместить пытаюсь в строки
случайный поцелуй, связавший нас.
И не искал, от счастья одинокий,
я выхода из этих долгих глаз.

Но я не знал,
как гибельны подушки
для чувства, что насущным хлебом стало.
Лишь наше сердце билось в наши души.
Я вскакивал,
а ты во сне стонала...

Проснись скорей —
мы будущее губим!
Верни меня.
Я в память ухожу.
Ведь я же на лице своем не губы,
а тот — потрескавшийся — поцелуй ношу.

ВСЁ ЕЩЕ ЛЮБИМОЙ

Эта девочка стоит бутылки шампанского...
От последней десятки
останется на «мотор»,
чтоб умчать в коммунальную тьму-тараканскую
откупоренный,
выдохшийся разговор.

И забыть.
И забыть навсегда!
И запомнить
ее тело,
пробивающееся ко мне
из тех лет,
как из темных зацветших затонов...
а потом, оглянувшись, увидеть в окне

женщину...
Постороннюю. С кислой миной.
Которую не в состоянии для себя отменить.
О, как она умеет быть любимой
и, плюнув в душу,
что-то в ней отмыть.

— Мы вряд ли снова встретимся.
Послушай,
сегодня мне, что хочешь — по плечу.
Лишь пожелай,
пропью с тобою душу.
И совестью за это заплачу.

Любовь пытать — жестоко,
лучше тело
отдать на растерзанье палачу.
Ты слишком глубоко во мне засела.
Но я мужик.
И я тебя хочу!

Честнее так...
А жалости мне мало
к тем нам,
что до сегодня не дошли.
Хочу,
чтоб ты — сейчас — моею стала.
Но лишь ценой всех призраков любви.

ЗИМНИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Метель из улицы — твоими волосами.
Снег — в душу, словно милое вранье.
Бегу туда. Просвет между домами —
там — в глубине двора — лицо твое...

Ты злая, ты холодная, ты снежная.
Ты маленькая, добрая и нежная.
Все врет метель! Ты добрая.
Ты злая.
Ты равнодушная.
А, впрочем, я не знаю.

94

Забыть тебя! Я выдержу — я си...
Такси...
Плевать на все!
Такси, такси!

Выдергиваю дверцу из машины,
запалом сигаретку машинально.
«Поехали», — пока я не взорвался,
пока не передумал, не остался.

«Куда везти?» — к сидению прирос.
«Куда везти-то, а?»

«Что за вопрос?!
Конечно, к ней!
Туда, туда, где в грубых выюгах севера
совсем не помнит обо мне
очаровательная стерва.

К той, что не выбежит навстречу
и не всплакнет, когда уйду.
И даже не подставит плечи,
когда в бессилье упаду.

Которая меня погубит,
которую я погублю,
которая меня не любит,
которую я не люблю!!!

Которую, остыв немного,
не пожелаю и врагу,
но не отдам ни злу, ни Богу.
Из-за которой все я вру...

В общем,
она самая земная,
самая мне нужная она».

«Я не знаю, где живет такая...»

Вылез.
На дворе стоит весна.

* * *

Милая, мы в сумасшедшем доме.
Ты сквозь стену приходишь ко мне.
Принимая чужое подобие,
пририсованное к простыне.

Мы теперь больше с тобой понимаем,
мы умудренными стали почти...
Как тысячи расстроенных роялей
рычат вороны в каменной ночи.

Тени в окне проплывают неслышно.
И сладко пахнущие качаются груши.
Руки за ними тянешь пристыжено,
прямо в руки стекают обвисшие груди.

Будильник с кнопкой в башке, как в шляпе,
на кровать тарашится, словно рожка в усах...
Ну их к черту! — пойду пошляюсь.
Светит Луна, точно дырка в трусах.

Иду по траве, будто против шерсти
глажу тропинку к тебе,
нависываю...
Любовь — гениальнейшее из сумасшествий,
но нас, к сожалению, скоро выписывают.

И ты горячим лбом к стеклу прижалась.
И распахнулась ночь опять,
как книга наших вечных жалоб,
где нету места, чтоб писать.

И все усилия напрасны
в глуши дрожащего листа.
Но ты выводил желтой краской
профиль упрямого лица.

* * *

Он был безумен,
как ее глаза,
летающие наперерез сердцам,
когда она его искала за
пределами себя,
и до конца

стал «не от мира он»,
когда нашла
его под левой грудью.
Тонкий след
прошел, алая, словно от ножа...
Он вышел и покинул этот свет.

ЭТО НЕ О ТЕБЕ

Л.Л.

Свои чувства, как зверя затравливаю.
Сердце — не кубик Рубика.
Я тебя из себя выдавливаю,
как засохшую пасту из тюбика.

Боль, как крик в катакомбах, глушится.
Но все дальше от выхода ты.
На натянутых нервах сушится
душа, застиранная до дыр.

Только заново переиначивает
память — сводня
душу мою
и в лицо твое заворачивает
мое сердце, как в простыню.

Да! — Я ложью себя не унижу.
Да! — Хотел бы тебя вернуть.
Я теперь много больше вижу
глазами, плакавшими вовнутрь.

Я ведь помню тебя не миленкой
недотрогой в белом шарфе,
не женою в квартире маленькой,
где полы до смешного шатки.

Не вышептывающей губами,
когда голос любви иссяк,

а разбитою женщиной,
с волосами,
нервно собранными в кулак.

Отдираю тебя...
Легче кожу! —
Слишком присох к тебе.
Впрочем,
ты, наверно, несчастна тоже,
раз звонишь в середине ночи.

Давит плечи чугун утраты!
Только разве словами сказать?!
Больно.
В сердце моем распяты
любимой плачущие глаза.

ЩЕНОК ЛЮБВИ

Умерла любовь,
как издыхает сука...
Вроде этим все разрешено.
Но остался хлипкий, близорукий,
днем и ночью воющий щенок...

Ты устал тебе уже не нужно
слов ее, где все опять — вранье,
но ты хочешь быть великодушным
с женщиной, — ведь ты любил ее.

И ты в который раз ее выслушиваешь,
любовь, хоть в памяти, пытаясь разыскать.
И нежность из себя за хвост выуживаешь,
укладывая третьей на кровать.
И выходишь утром, как оплеванный,
и как будто кем-то обворованный.

А в душе скулит,
скребется,
корчится

тоска собачья.
И тебе вдруг хочется
бежать,
бежать, не глядя в лица,
могущих вдруг тебя усовестить.
В горло мертвой хваткою вцепиться
и до хруста челюсти свести.

* * *

Человек уходил из себя,
словно слезы
этих женщин,
растерянно глядя вокруг.
В переулке, споткнувшись о запах мимозы,
выронил сердце из рук.

И оно разбежалось стучаться и плакать
в наступившую память.
Забыв о толпе,
он случайную женщину,
взявши за локоть,
посадил вместо сердца, оторопев...

И, припомнив их всех, с кем расстался так
странно,
потянулся губами в пропавшую юность.
Женщин всех называл с грустной нежностью —
Анной...
Удивился и вздрогнул,
когда сердце вернулось.

И совсем не почувствовал боли вчерашней.
Подгоняемые сквозняком,
в переулке звенели шаги уходящие...

Он любил этих женщин потом.

РАСПЛАТА

А бабы какие любили его,
как взоры прохожих рыдали!
Как он дорожил...
Как терял их легко.
А как грациозно его покидали...

Потом забывали
и падали в ночь.
И только во сне навещали,
за ручку любовь приводя,
словно дочь,
в пропахшей духами печали.

Он чад целовал и, не зная в лицо,
на памяти не экономил.
На сердце надел золотое кольцо.
Во сне их всех перезнакомил.

И так с этим свыкся,
что перезабыл
и запах волос, и вкус флирта.
И вдруг в темнотище проснулся
и взвыл:
— Кого же из них я любил-то?...

* * *

Море что-то бормочет влюбленно,
застревает в ушах, волосах,
даже чайка кричит, как ребенок,
позабытый на небесах.

Только нет ни любви, ни желанья
землю вновь навсегда покидать...
ты прости мне,
что ты не жена мне,
приходи по ночам, как звезда

или сон.
Только без продолженья
мы оставим дорогу туда,
где бросаются чувства на шею,
словно волны,
почти без труда

размывая границы былого
и опять возвращаясь назад...
Просто ночью слепую
глаза
к вдохновенным обманам готовы...

Звезды падают...
И с замираньем
я смотрю на них.
И обдает
ветром душу,
как жадным дыханьем —
с тобой знакомящийся женский рот.

* * *

А ведь совсем не обязательно
знать имя женщины любимой...
С влюбленных губ срывая зарево
той тайны, что неодолимо

рождает музыку,
подспудно
наружу рвась души полетом.
И вот срывается посуда.
И вдребезги —
с хрустальной нотой!

С любимую забившись в небо,
за первый поцелуй состариться.
Свою судьбу рвануть за стебель,
чтоб в искушеньях не раскяться,

чтобы желаньем моментальным
все объяснять,
не разломить зубами тайны
и музыки не расплескать,

чтоб, имя на губах почуя,
взахлеб над счастьем
замолчать...
Его — как женщину чужую —
случайной встречей назвать.

* * *

Обласкав бездомную собаку,
в сантиментах,
словно год назад,
ухожу,
как чувственный слабак я, —
чтоб не видеть слез в ее глазах.

Вспомнил:
— Всё уже непоправимо...
Что за бред,
так брякнуть, не моргнув?!
Я учусь терять своих любимых
и все научиться не могу.

Что за гробовое слово — вечность?!
Не понять,
коль был хоть раз любим,
коли вновь
волнует чувства вечер,
и так тянет
к женщинам чужим.

* * *

По городу темному,
все,
запутавшемуся в веках,
бродят холодные поцелуи
на сетчатых
длинных ногах.

Идут в одиночестве шатком
и ночи,
под просвист теней,
себя раздают без остатка
и растворяются в ней.

А утром их нет.
И машины
вдыхают озябший бензин.
На улицах только мужчины.
И губы горят у мужчин.

* * *

Ты ушла от меня, словно боль и усталость,
и ни Богу, ни черту пока не досталась.
Я горю на ветру,
но горю, не сгорая.
В каждой вижу тебя,
взглядом дверь открывая...

А глаза у тебя стали странного цвета...
Да и я в них — не я...
Ох, плохая примета...
Мы на счастье с тобой перебили посуду.
Но в разбитый стакан наливать я не буду —
ни полночной слезы,
что в туман превратилась,
ни великой любви,
что кукушке приснилась.
Ты ушла от меня, словно боль и усталость.

Но в разбитом стакане
водка не расплескалась...

ВЫЗОВ

От тебя я письмо получил, —
чистый лист —
 ослепительно белый,
как дыхание в казенной ночи
или к сделке готовое тело.

Я на нём начертил слово «Да!»,
хоть себя ненавидел за смелость
Испарились чернила.
Звезда
вместо них на листе загорелась.

Твоё фото смахнул со стола.
Показалось, что ты побледнела...
За окошком осенняя мгла...

Да, я понял, чего ты хотела...

* * *

Я одинок, как гений в плагиате,
что лунное освоив ремесло,
ночь распахнув, стоит в одном халате,
не в силах удержать высоких слов...

Всё принимая слишком откровенно,
как в водку сок пускают по ножу,
психической энергией вселенной
по капле в шепот разума вхожу...

Шепчу, камлаю, сердцем увядаю,
хочу найти те самые слова,
и с каждым новым словом умираю,
к твоей душе притронувшись едва.

Губами, снами, вещими слезами,
что забродили в сердце, как вино...
Но из того, что происходит с нами,
не понимаю ничего давно.

Но лишь одно я знаю и имею, —
и тем живу, не смея всё забыть, —
что ты уже была — навек моею,
и только смерть нас сможет разлучить...

Звезда прожгла лукавым взглядом стену.
Я здесь один,
ты где-то там в ночи.
И что это, любовь или измена,
одна ты знаешь.
Знаешь и молчишь...

* * *

Я без тебя не пропадаю
и о разрыве не жалею,
и из окна не вылетаю,
как птица, крыльями не вею.

Я не болею, не бледнею,
не загниваю и не таю,
я даже, в общем, не старею...
А лишь,
как мамонт, вымираю.

Орлица

Жена-любовница, давай начнем сначала,
не раздувай огонь вражды в крови.
В раскосе глаз твоих спокойно-величавых
парит орлица вдумчивой любви.

Свистит ли ветер, град идет с дождями,
твердь неба молнии ломают в бездне лет,
парит орлица, мощными кругами
равняя звезды, солнце, ночь и свет.

Парит орлица. Там внизу — кишенье.
И воронье накаркало беду.
Будь выше всех. Прости, будь совершенна.
Сбрось в пропасть со скалы змею-вражду.

Жена-любимая, смотри, проходит лето.
Сердца болят, готовятся к зиме...

Парит орлица.
С птичьего полета
я с каждым мигом — меньше, меньше, ме...

* * *

Сказал в запале — резано и круто.
Обидел, аж волной пошли круги...
Метнула взгляд пронзительный, —
как будто
сорвался сокол
с вскинутой руки.

Захотала жутко и нелепо,
в зрачках сверкнули рысьи огоньки.
И треснул мир, как дом, —
как будто не был...
И рухнул в бездну горя и тоски.

Жизнь кончилась. Глухи слова отныне.
Кричит обида-дева даже днем.
Любовь забила в щель.
Одна гордыня
сжигает души адовым огнем.

И каждый прав — на том и этом свете,
готов ввязаться в настоящий бой...

Родная, спи, родная, спи, —
ведь это
всё не про нас,
всё не про нас с тобой...

* * *

жене

Твои губы во тьме различаю...
Но во мраке венчальной свечи —
на земле не тебя я встречаю,
а твое отраженье в ночи.

Поразбросаны лучшие годы
сзади, сбоку, — и нет им числа...
Что тебе, неземная, угодно,
чтоб — не только во сне — ты была?

114

Приходи, — белый волос по ветру,
так похожа лицом на жену...
Разнесем весть по белому свету,
а о чем, — сам пока не пойму...

Будем жить мы с тобой в рукавице,
в той, что в сказке лежала века.
Одинок я,
как пение птицы,
и свободен, как мысль дурака...

* * *

Я бегу против стрелки часов,
против хода вращения земли.
Чтобы вырвать из бездны веков
душу той,
что мерцает вдали...

Она светит со дна,
как звезда,
отраженная высотой.
— Между нами беда-лебедя,
не сдавайся, останься со мной!

Сколько было растрчено слов!
Память гонит нас сквозь решето.
Если мы позабудем любовь,
на земле нас не вспомнит никто.

Длинный посох достанется мне,
помело с рукоятью тебе.
И узнать нас не сможет во тьме
наша дочка —
сама по себе...

* * *

Я пью за продолжение листопада!
И чокаюсь с бокалом пустоты.
Еще пока мне ничего не надо,
еще пока я с памятью на «ты».

Еще пока твои целую груди,
горю в твоём дыхании — дотла...
Еще пока про нас забыли люди,
еще кровать для наших снов мала.

Еще пока не знаю я, что счастлив,
не знаешь, что несчастна ты еще...
И сердце бьется только на две части,
еще грехи — тебе и мне — не в счет.

Еще пока на сне не ставишь точку.
И я на тестя не похож, — точь-в-точь.
Еще пока мы не родили дочку,
любимую
единственную дочь...

* * *

Становлюсь безудержно покорным
с милой, что повенчан я в веках,
по годам
почти уже — покойник,
по любви — пока еще никак...

И за что в любви такая сила
и метельной нежности размах?!
Все сносила и переносила
на своих мистических крылах.

Но не чувят у красивых — душу.
Так и я, —
как ветер злой в ночи,
что вначале должен дом разрушить, —
чтоб увидеть свет огня в печи...

Видал, —
где твои проходят ножки, —
шеи в штопор крутятся,
а там,
словно пробки, сносит дуры башки,
отрывая их ко всем чертям.

Одурманены твоей походкой —
ветреной, а может, ветровой, —
пол-России пьют запоем водку,
пол — с ножами носятся за мной...

Иногда такая ты —
лихая,
иногда, — как песня соловья, —

нежная, прозрачная, родная...
Иногда, —
чужая, не моя.

Но когда,
звездой полыхая,
сбрасываешь свой покров земной, —
темноту губами прожигая,
прямо в вечность падаешь со мной...

С нежностью, пуская в небо корни,
твое тело звонкое ловлю...
Становлюсь безудержно покорным
с женщиной, которую люблю.

ОДИНОЧЕСТВО

Во тьме земной
грущу в окно я,
где звезды рушатся на дно
моей души, —
мне всё равно...
Ведь одиночество такое,
что не вмещается в окно.

Но заклинаю —
сквозь невзгоды:
— Любовь бесценна и нежна,
неубиваема она.
Замки срывая, платья, годы,
она придет, —
твоя жена.

Ты задохнешься, чуть не плача,
когда ошпарят,
хохоча,
как будто духом первача, —
бессмертно молодые губы,
рот в рот, —
органами звуча.

* * *

Грустью я обижен и растрочен —
на тебя,
на жизнь,
на белый свет.

Я растрочен и переиначен,
бьет в глаза холодный белый свет.

Это там,
где небо было вольно
под крестом могучего орла,
там, где песня-сказка, вспыхнув болью,
по оврагам-кочкам понесла.

Там, где был я верен и уверен
в крепости заветного кольца.
Сердца жар был волчьей страстью мерян
в злых зрачках любимого лица.

И теперь под волчий вой,
играя,
как река, —
в предчувствии беды —
кровь моя бурлящая
дурная
сносит этой крепости следы.

Размыкая ветреные руки
безучастной спутницы — судьбы,
жаркого дыхания разлуки
на твоих губах растут клубы.

Словно с ветки лист —
в страну иную —
с губ слетает поцелуя след.
Словно песню спев свою земную —
в небо вышел неземной поэт...

* * *

Через полчаса мне уходить,
улетать, сбегать, перегорать,
забывать, бросать и не будить...
В общем, любовь предавать.

Через полчаса мне одному
те полжизни, что ты отняла, —
в топку паровозную бросать.
Сердце отправляя на луну, —
пусть мертвые хоронят мертвецов...

122

А я на самолете улечу.
Предавшие любовь —
пешком не успевают.



СОДЕРЖАНИЕ

<i>об авторе</i>	6
<i>Стон Святогора (Кирилл Анкудинов)</i>	7

Ожидание первое

ВНЕ РУССКИХ СЛОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Масленица.....	16
«Зачищены три олигарха...».....	19
«Страну украли. И потерял след...».....	20
«Я не сторож брату своему...».....	21
Вечный огонь.....	22
Парк Победы.....	23
Карта мира.....	24
Русский флаг.....	25
«Дано нам жить...».....	26
Страшный сон.....	27
«Ночной свободы хаос безотчетный...».....	28
«Когда познать дано мне будет участь Слова...».....	30
«И когда петух заскочив на кол...».....	31
«Когда Бог проклял землю...».....	32
«Где мосты сожжены и деревни погублены...».....	33
«Обелиск на растоптанной братской могиле...».....	34
«Гряди ж, Иисусе Господи, скорее...».....	35
«О Господи, не искушай мя Словом...».....	36
Святогор.....	37
«Продираясь сквозь черные боры...».....	39
«Там, где гудит страна...».....	40
Мое древо.....	41
«Глаз мертвой девушки чуть-чуть подслеповат...».....	42
Краткая история.....	43

«Шатается крест на свободе...».....	44
«А что я могу, только взять и убить...».....	45
Судьба.....	46
Санкт-Петербург.....	47
"Русский Икар" И.С.Глазунова.....	48
Памяти поэта-друга.....	49
«На кладбище, где мирный дух...».....	50
«Я был убит врагами на рассвете...».....	51
Шестая рота.....	52
«Приди, покусись, оторви...».....	53
На могиле.....	54
«Потому что я русский...».....	55
Россия — Европе.....	57
Ты должна.....	58
Живые и мертвые.....	59
Стансы.....	60
«Мы эту осень сами заказали...».....	62
Березовый лист.....	63
«Нас по тревоге не поднимут...».....	64

Ожидание второе

У МЕНЯ НА ТЮРЬМЕ

«Во сне пройдуь по коридорам...».....	66
У меня на тюрьме.....	67
«Меня стерегла лишь кручинушка-доля...».....	68
Воспоминанья о тебе.....	69
В тюрьме.....	70
«Всё забыл: твои косы и платье...».....	71
«На губах, овдовев, отцвели поцелуи...».....	72
«Дорогая, как ты там за мукой-разлукой...».....	73
«На тюрьме шел дождь...».....	75
«Берегиня моя...».....	76
«На душе соловьями...».....	77
Пегас.....	78
«Слишком долго я тебя не видел...».....	80
«Любви не хочу...».....	82

Ожидание третье

Я ЖДУ ВАС ПОТОМ

Одна.....	84
«Ты разъята природой...».....	85
Певице 1.....	86
Певице 2.....	87
«Влюбленный в Вас до без пятнадцати четыре...».....	88
Из сентября.....	89
Банально о самом банальном.....	91
Всё еще любимой.....	92
Зимние метаморфозы.....	94
«Милая, мы в сумасшедшем доме...».....	96
«Он был безумен...».....	98
Это не о тебе.....	99
Щенок любви.....	101
«Человек уходил из себя...».....	102
Расплата.....	103
«Море что-то бормочет влюбленно...».....	104
«А ведь совсем не обязательно...».....	105
«Обласкав бездомную собаку...».....	106
«По городу темному все...».....	107
«Ты ушла от меня, словно боль и усталость...».....	108
Вызов.....	109
«Я одинок, как гений в плагиате...».....	110
«Я без тебя не пропадаю...».....	111
Орлица.....	112
«Сказал в запале...».....	113
«Твои губы во тьме различаю...».....	114
«Я бегу против стрелки часов...».....	115
«Я пью за продолженье листопада...».....	116
«Становлюсь безудержно покорным...».....	117
Одиночество.....	119
«Грустью я обижен и растрочен...».....	120
«Через полчаса мне уходить...».....	122

— |

| —

— |

| —

Сергей Соколкин
Я ЖДУ ВАС ПОТОМ
Книга стихотворений

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 22.06.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура BodoniNova.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12